

ГОРАН ТЕРБОРН

Что делает правящий класс, когда он правит?

Некоторые размышления о различных
подходах к изучению власти в обществе¹

Каково место власти в обществе? Каковы отношения между классом и властью? Не сложно предсказать, что ответы на эти вопросы различаются в зависимости от очевидного значения класса и власти для оценки данного общества. Сам вопрос, однако, кажется простым и незамысловатым. Оставляя в стороне идеологические пристрастия, кажется, что речь идет об известном вопросе научного метода, о том, какой метод лучше всего подходит для ответа на поставленный вопрос². Но так ли в этом вопросе все просто и ясно? Из того, что мы знаем о «парадигмах» (Кун) и «проблематике» (Альтюссер) науки, насколько велика вероятность того, что, например, пролетарского революционера и критика политической экономии (Маркс), немецкого академического историка и социологического последователя австрийского маржинализма (Вебер), сторонника джефферсоновской демократии (Миллс), поклон-

¹ Göran Therborn. What Does The Ruling Class Do When It Rules? Some Reflections on Different Approaches to The Study of Power In Society, in: Rhonda F. Levine (ed.), *Enriching the Sociological Imagination: How Radical Sociology Changed the Discipline*. Boulder, CO: Paradigm, 2005. P. 41–62.

² См., напр.: R. Dahl. A Critique of the Ruling Elite Model. *American Political Science Review* (APSR) 52. 1958. P. 463–469; N. Polsby. How to Study Community Power: The Pluralist Alternative. *Journal of Politics*. 22. 1960. P. 474–484; P. Bachrach – M. Baratz. The Two Faces of Power. *APSR*. 56. 1962. P. 947–952; P. Bachrach – M. Baratz. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework. *APSR*. 57. 1963. P. 641–651; R. Merelman. On the Neo-Elitist Critique of Community Power. *APSR*. 62. 1968. P. 451–460; *APSR*. 65. 1971. P. 1063–1080; F. Frey. Comment: On Issues and Nonissues in the Study of Power. *APSR*. 65. 1971. P. 1081–1101; R. Wolfinger. Rejoinder to Frey's 'Comment'. *APSR*. 65. 1971. P. 1102–1104. Общее представление можно составить по книге: R. Bell, D. Edwards, and H. Wagner, (eds.) *Political Power*. New York: Free Press, 1969.

ника современной либеральной экономики (Бьюкенен и Таллок, Парсонс) или приверженца некоторых господствующих сегодня политических идей (Даль, Гидденс)³ волновала одна и та же проблема и один и тот же вопрос, даже когда они использовали одни и те же слова?

Оставляя в стороне более тонкие моменты и различия, мы можем выделить по крайней мере три основных подхода к изучению власти в обществе. Первым и наиболее распространенным подходом является *субъективистский*. С Робертом Далем, спрашивающим: «Кто правит?»⁴, или с Уильямом Домхоффом: «Кто правит Америкой?»⁵, или, по выражению британского теоретика стратификации У.Г. Рансимена, «кто правит и кем управляют?»⁶, или в воинственном плюралистическом варианте Нельсона Полсби: «Этим обществом вообще кто-то правит?»⁷

Этот субъективистский подход к проблеме власти отличается от «субъективного» в так называемых субъективных концепциях стратификации, которые рассматривают стратификацию с точки зрения субъективной оценки и признания, в отличие от стратификации, скажем, по уровню доходов и образования. Этот подход является субъективистским в том смысле, что он ищет *субъекта власти*. Прежде всего, он ищет ответ на вопрос: *кто* обладает властью? Немногие, многие, сплоченный класс семей, институциональная элита высокопоставленных лиц, занимающихся принятием решений, конкурирующие группы, все или никто? Основное внимание субъективистов сосредоточено на субъекте, обладающем властью и осуществляющем власть⁸.

Общий субъективистский вопрос можно изучать и отвечать на него по-разному. Это стало причиной весьма оживленных методологических и предметных дебатов в Соединенных Штатах в 1950–1960-х годах, которые идут и по сей день, между «плюралистами» и теоретиками элиты и правящего класса⁹. В сущности, это были дебаты в рамках либераль-

³ Согласно Гидденсу, Соединенные Штаты являются наиболее развитым демократическим обществом в мире: A. Giddens. *The Class Structure of the Advanced Societies*. London: Hutchinson, 1973. P.175. Представления Даля о режиме, преобладающем в Соединенных Штатах, излагаются, среди прочего, в: R. Dahl. *Pluralist Democracy in the United States: Conflict and Consent*. Chicago: Rand McNally, 1967.

⁴ R. Dahl. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale Univ. Press, 1961.

⁵ W. Domhoff. *Who Rules America?* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967.

⁶ W. G. Runciman. «Towards a Theory of Social Stratification», in F. Parkin, ed. *The Social Analysis of Class Structure*. London: Tavistock, 1974. P. 58.

⁷ Polsby. *Op. cit.* P. 476.

⁸ В эгалитарном подходе Бакрака и Бараца эта сфокусированность дополняется поиском того, кто, если он вообще существует, получает выгоду, а кто страдает от подобной «мобилизации». Помимо уже названных статей, см.: Bachrach and Baratz. *Power and Poverty*. New York; Oxford University Press, 1970.

⁹ В содержательных дебатах с элитистской стороны выступали: F. Hunter. *Community Power Structure*. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1953; Миллс Ч. Р. *Властвующая элита*. М.: Иностранная литература, 1959; W. Domhoff. *Op. cit.* Bachrach and Baratz. *Op. cit.*; M. Parenti. «Power and Pluralism: A View From the Bottom», in

ной политической идеологии и либеральной политической теории, которые брали либеральную концепцию демократии в качестве отправной точки, а затем смотрели, соответствуют или нет современные проявления либеральной демократии в современных Соединенных Штатах или других странах Запада этой концепции. Но в них также приняли участие марксистские авторы, которые в основном ограничивались этими рамками, соглашаясь сражаться на поле, выбранном врагом¹⁰. Последний случай, среди прочего, свидетельствует о глубоком влиянии господствующей идеологии, которая даже определяет формирование оппозиции самой себе.

Помимо субъективистского уклона и полемики внутри него относительно различных методов и ответов, некоторые авторы, отталкивающиеся от либеральной экономической идеологии и либеральной экономической теории, подняли вопрос другого рода. Мы можем назвать это *экономическим подходом*. В совершенно деловой манере вопрос здесь касается не того, кто, а того, *сколько*. Власть считается прежде всего способностью достигать целей. Главный акцент делается на «власти к», а не на «власти над», и ключевым вопросом является не распределение, а накопление власти. Как теория власти, экономический подход имеет два основных варианта — социологический и утилитарный. Главный сторонник первого — Толкотт Парсонс. Парсонс считает власть «посредником, тождественным деньгам»¹¹, и видит в ней проявление «обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции»¹².

В утилитарных «экономических теориях демократии» феномену власти и его осмыслению уделяется не слишком много внимания. Поли-

M. Surkin — A. Wolfe, eds., *An End to Political Science*. New York: Basic Books, 1970. P. 111–143; M. Creson. *The Un-Politics of Air Pollution*. Baltimore: The John Hopkins Press, 1971. Из работ плюралистов см.: S. D. Riesman, et al. *The Lonely Crowd*. New York: Doubleday Anchor, 1953; R. Dahl. *Who Governs?*; E. Banfield. *Political Influence*. New York: Free Press, 1961. О методологических дебатах см. выше прим. 1.

¹⁰ Наиболее важный пример: R. Miliband. *The State in Capitalist Society*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1969. Полностью противоположную позицию среди марксистов см.: N. Poulantzas. *Political Power and Social Class*. London: NLB, 1973. Последний критиковался за неспособность понять проблематику своих оппонентов и, как следствие, указать на ее недостатки: E. Laclau. «The Specificity of the Political: The Poulantzas/Miliband Debate». *Economy and Society* (1975). P. 87–110. Ограничиваясь в основном различиями между подходами к проблеме власти, настоящая статья пытается учесть критику Пуланцаса и Милибанда. В то же самое время я признателен им обоим за их ценные замечания.

¹¹ Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // *Антология мировой политической мысли*. Т. 2. М.: Мысль, 1997. С. 479.

¹² Там же. С. 481.

тика рассматривается с позиций «индивидуалистической теории коллективного выбора», а значение власти выводится из предполагаемого благословения рыночного обмена. «Этот подход, — пишут Бьюкенен и Таллок, — включает политическую деятельность как специфическую форму обмена, и, как и в рыночных отношениях, взаимная выгода для всех сторон предположительно вытекает из коллективных отношений. Поэтому во вполне реальном смысле политическое действие считается средством, которое позволяет увеличить власть всех участников, если мы определяем власть как способность управлять вещами, желательными для человека»¹³.

Хотя можно сказать, что они разделяют общий подход к власти, вдохновленный либеральной экономикой, сосредотачивая внимание на неконфликтной «власти / способности к», между этими двумя основными вариантами экономического подхода также имеются расхождения, которые никак нельзя назвать несущественными. В социологическом варианте власть производится и действует в социальных отношениях, тогда как в утилитарной концепции она в основном представляет собой безотносительный актив. Но в обоих случаях проблемы класса и власти испаряются.

Экономический подход к власти (с незначительным теоретическим развитием идей, упомянутых ранее авторов) также применялся к проблемам политического развития и «модернизации»; примером здесь могут служить работы Сэмюэля П. Хантингтона. Хантингтон придавал большее значение «накоплению власти», чем ее распределению. Он начинает свою книгу «Политический порядок в меняющихся обществах» с заявления о том, что «самое важное политическое различие между странами связано не с формой правления, а с его степенью. Различие между демократией и диктатурой — это не столько различие между странами, политика которых воплощает согласие, общность, легитимность, организацию, эффективность, стабильность, и странами, политика которых лишена этих качеств»¹⁴. «Современные политические системы различаются по объему власти в системе, а не по ее распределению»¹⁵. Хантингтон отталкивается от общих либеральных идей об экономическом развитии, а не от либеральной экономической теории.

Третий подход можно было бы назвать структурно-процессуальным. Но, принимая во внимание его сфокусированность на обществе как объективной структурированной тотальности и на противоречиях, раз-

¹³ J. Buchanan — G. Tullock. *The Calculus of Consent*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1962. P. 23. Несколько менее оптимистичный взгляд на власть Энтони Даунса касается не «власти над», а неравной «власти / способности к», из-за неравенства в информации и доходах. A. Downs. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Row, 1957. P. 257–258.

¹⁴ S. Huntington. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale Univ. Press, 1968. P. 1.

¹⁵ *Ibid.* P. 144.

витии и изменениях, нам, возможно, лучше называть этот подход диалектико-материалистическим, воплощенным в новом научном изучении истории и общества, основанном Марксом, историческом материализме. Здесь основной акцент делается на исторических социальных контекстах и модальностях власти, а главный вопрос звучит так: *какого рода общество?* Затем: *каково влияние государства на это общество*, на его воспроизводство и изменение?

Главная задача «Капитала» состояла не в установлении того, кто богат, а кто беден, или кто правит и кем правят, а, как заметил автор в своем предисловии, в изложении голого «экономического закона движения современного общества». То есть Маркса интересовало, прежде всего, как (вос) производятся богатство и бедность, господство и подчинение и как они могут быть изменены. Основное внимание исследования сосредоточено не на собственности или собственниках, а на капитале, то есть на (сособых исторических) производственных отношениях и их связи с производительными силами и с государством и системой идей.

II

Этот третий подход к проблеме власти в обществе обязан своим более «окольным» характером тому обстоятельству, что он всерьез и систематически пытается заниматься двумя фундаментальными проблемами, которыми во многом пренебрегают другие подходы. Одна касается «власти/способности к», другая — «власти над».

Первый вопрос, нуждающийся в серьезном рассмотрении, звучит так: власть к чему, для чего? Какое количество власти используется для этого? Утилитарный ответ — для максимизации полезности — едва ли удовлетворителен, учитывая огромное многообразие исторических форм общества и, соответственно, систем власти. Поэтому парсонсовское рассмотрение власти с точки зрения осуществления «коллективных целей» оказывается здесь бесполезным¹⁶. Не нужно априорно считать или делать частью определения, что, как утверждает Парсонс, власть осуществляется «в интересах эффективности коллективного действия в целом»¹⁷, а не в интересах эксплуатации одного класса другим.

Содержание «власти/способности к» зависит от типа общества, в котором она действует. Марксистский анализ всякого данного общества прежде всего сосредоточен на его способе или способах производства, его системе или системах производственных отношений и производительных сил.

Выделяя производственные отношения, марксистский исследователь одновременно устанавливает, существуют ли в данном обществе классы и каковы эти классы, потому что классы в марксистском смыс-

¹⁶ Парсонс. *Указ. соч.* С. 481.

¹⁷ Там же. С. 482.

ле — это люди, которые занимают определенные позиции в обществе, определяемом производственными отношениями. Если непосредственное производство — в земледелии, сельском хозяйстве, промышленности, на транспорте и т.д. — и присвоение и контроль произведенных излишков разделены между различными ролями, а не соединены в человеке или коллективе, тогда можно говорить о существовании классов. И различные формы разделения (рабство, феодализм, капитализм и т.д.) означают различные классы¹⁸.

Определение производственных отношений относится не только к контексту политической власти. Оно также напрямую связано с вопросом власти, так как разделение между непосредственными производителями прибавочного продукта и теми, кто его присваивает, приводит к появлению особых отношений господства и подчинения¹⁹. Эксплуататорские производственные отношения напрямую связаны с отношениями господства, и в том, что можно назвать ключевым пассажем материалистической интерпретации истории у Маркса, он говорит: «специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное воздействие» (860). Маркс продолжает и излагает свои представления об отношениях между экономикой и государством (содержание, истинность и плодотворность которых вызывает споры): «на этом основана вся структура экономического строя [*Gemeinwesen*], вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производи-

¹⁸ Мой анализ марксистского понятия класса см.: G. Therborn. *Klasser och ekonomiska system*. Staffanstorps: Cavafors, 1971. См. также первую часть статьи: G. Therborn. *Classes in Sweden 1930–1970*, in R. Scase, ed., *Readings in the Swedish Class Structure*. Oxford: Pergamon, 1976.

¹⁹ Власть в обществе, конечно, следует изучать не только с точки зрения неспецифической, надорганизационной власти организационных элит, но и с точки зрения самой формы организации, особенно формы организации труда, который различается по типу и объему господства и независимости. Но марксистский акцент на эксплуатации и классе связан с рассмотрением власти лишь в общем понимании последней — в смысле А, оказывающего значительное влияние на Б в ситуации возможных негативных санкций за строптивость Б. Определение власти с точки зрения ответственности, выбора и согласия и разграничение между судьбой, принуждением, авторитетом, манипулированием и властью присущи субъективистскому дискурсу и как таковые лежат за рамками собственно марксистского анализа. Последний начинается не с «точки зрения действующего лица», а точки зрения разворачивающихся социальных процессов.

тельной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»²⁰.

Для сторонников субъективистского подхода — как в плюралистическом, так и в элитистском варианте — формулирование проблемы «власти, чтобы делать что?» означает вопрос: *Что делают правители, когда они правят? Куда вожжи ведут ведомых? Утверждение или допущение, что правители, когда правят, поддерживают свое правящее положение, в лучшем случае тривиально — и зачастую совершенно ошибочно. Намеренно или нет правители влияют или не влияют на управляемых, и одни и те же субъекты власти — с точки зрения личной истории и существующих межличностных отношений — могут влиять на управляемых совершенно по-разному. При плюрализме или элитизме влияние оказывается различным, и то же можно сказать и о военных правительствах и централизованных «олигархических» организациях»²¹. И правящий класс может осуществлять и поддерживать свое правление множеством способов, не обязательно поставляя политические кадры из своих собственных рядов. Поэтому, возможно, лучше утверждать, что правители и правящие классы разумнее выделять не по их именам и численности, их социальному происхождению и карьере во власти, хотя все это, конечно, играет свою роль, а по их действиям, то есть по объективным следствиям их действий. С этой точки зрения марксисты вмешиваются в субъективистскую дискуссию, поляризованную вокруг демократии и диктатуры или, в ее современной, несколько менее высокопарной версии, плюрализма и элитизма со своим вопросом: демократия какого класса, диктатура какого класса?*

У того, что делают правители, когда они правят, имеется еще один аспект. Толкотт Парсонс как-то критиковал утилитаристов за их неспособность объяснить социальный порядок²². В отличие от них, субъективистские теоретики элиты и правящего класса неспособны объяснить социальные изменения. Примечательно, что классические теоретики элиты, которые всерьез продумывали последствия своих теорий, в основном исходили из того, что общество оставалось неизменным. Вместо этого они рисовали картину вечного цикла возвышения, правления, вырождения и падения элит. Это касается всех из них: Гумпловича, Моски, Парето и Михельса²³. В конце концов, они склонны были

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 25. Ч. II. С. 354.

²¹ Возьмем, к примеру, неспособность михельсовской теории организации объяснить различия в поведении социал-демократических и коммунистических партий в августе 1914 и сентябре 1939 года соответственно.

²² Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический Проект, 2000.

²³ См.: G. Therborn. *Class, Science and Society*. London: NLB, 1977. Ch. 4.2.

сводить людей и человеческое общество к биологии²⁴. И хотя люди, конечно, являются биологическими организмами, все же очевидно, что человеческое общество менялось за время своего существования и принимало множество форм. Задача социальной науки состоит в анализе этих различных исторических форм и их изменения. Но этого нельзя сделать, взяв за отправную точку субъектов власти, их душу, их волю; необходимо рассматривать социальный контекст, в котором они правят.

Общество, в котором правители правят, имеет определенные возможности и тенденции изменений. Правители правят на определенном этапе развития определенной социальной структуры, и их правление влияет на и само испытывает влияние тенденций и противоречий, присущих этой структуре. Субъективисты останавливаются перед анализом этих тенденций и противоречий и обычно заключают: «Посмотрите, власть находится в руках немногих, а это плохо!» Или: «Посмотрите, власть есть у многих, и это хорошо!» Надо отметить, что в этом контексте власти и изменения важно влияние власти — не на самих людей или приобретения и потери, которые она приносит индивидам и группам²⁵, а на социальную структуру и социальные отношения, в которых живут индивиды, потому что именно последняя, а не тот простой факт ограничения их свободы и эксплуатации, определяет возможности изменения и восстания.

Помимо проблемы «власти/способности к», существует также важная, но упускаемая из виду проблема, связанная с «властью над». Связаны ли между собой различные моменты осуществления власти кого-то над кем-то? Если мы не считаем, что социальная жизнь является полностью произвольной и незакономерной или что она представляет собой сплоченную коллективную деятельность на основе согласия, то каким образом следует изучать отношения и каким образом они могут быть «схвачены»?

На первый взгляд утверждение, что эта проблема «упускается из виду», может показаться необоснованным, поскольку именно об этом ведется содержательная полемика между плюралистами и элитистами. Но из-за их общего субъективистского ядра плюралисты и элитисты занимались второстепенным аспектом проблемы. Они обсуждали существование межличностных отношений между различными проявлениями власти в обществе: существует ли сплоченная элита, которая объединяет различные формы осуществления власти, принимая реше-

²⁴ Парето «развил» теорию классовой борьбы, выдвинув идею, что «борьба за жизнь и благополучие является общим феноменом для всех живых существ». V. Pareto. *Les Systemes Socialistes*. Paris, 1902–1903. II. P. 455. Михельс описывал борьбу между организованными рабочими и штрейкбрехерами как «борьбу за пастбище». R. Michels. *Political Parties*. Glencoe: Free Press, 1958. P. 307.

²⁵ В этом состоит отличие от подхода: Bachrach—Baratz. *Op. cit.*

ния в различных областях? Или же решения принимаются различными небольшими и не связанными между собой группами? Эта постановка проблемы не учитывает того, что межличностная фрагментация принятия решений не обязательно означает, что различные проявления власти являются случайными и незакономерными. Наоборот, основное и, по-видимому, обоснованное допущение социологии состоит в том, что события в человеческом обществе в какой-то степени всегда закономерны и потому поддаются научному анализу. Теоретики же плюрализма и элитизма сосредотачивались на существовании или несуществовании одной возможной формы закономерности власти в обществе и, надо добавить, на форме, которая едва ли представляется самой важной в современных сложных обществах.

Отсылка к другому виду межличностной идентичности, нежели тот, что обеспечивается одновременной принадлежностью к различным сплоченным властным группам, — скажем, отсылка к общей идентичности идей, к согласию относительно ценностей — при ответе не выдвинутое возражение мало что дает²⁶. Каким образом объяснить определенный консенсус и его поддержание²⁷ и каким образом он на самом деле действует в таком общем и абстрактном виде, в котором он существует в современных обществах? Какие объективные социальные структуры и отношения создаются и /или поддерживаются, как жизни людей определяются различным воздействием власти, относительно которой предположительно существует согласие?

Важная методологическая критика плюрализма была предложена

²⁶ Даль пишет: «...демократическая политика — это ерунда. Это поверхностное проявление, отражающее поверхностные конфликты. До политики, за ней, развивая ее, ограничивая ее, определяя ее, находится основополагающий консенсус... между преобладающей частью политически активных участников». R. Dahl. *A Preface to Democratic Theory*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1956. P. 132. Но что, если «консенсус» — это поверхностное проявление чего-то еще, «развивающего, ограничивающего и определяющего» электоральную политику?

²⁷ В этом состоит слабое место в остальном вполне обоснованной критике плюрализма у Милибанда (Miliband. *Op. cit.*). Милибанд воздерживается от реального изучения правительств, кадры которых не набираются из экономической элиты и где высшие эшелоны власти могут комплектоваться иначе. В этих случаях он просто рассматривает идеологию политических лидеров как часть буржуазного консенсуса (см.: Ch. 4. Part IV). Он действительно приводит некоторый эмпирический материал и высказывает предложения относительно изучения этой проблемы, но она остается за рамками его модели контроля. Для анализа развитых буржуазных демократий, реформизма, фашизма и военных режимов необходима более сложная модель. Точно так же важные работы Уильяма Домхоффа о принадлежности к высшей буржуазии и связях с ней американских политиков и администраторов, а также о сплоченности высшей страты американской буржуазии только выиграли бы, если бы они были включены в гораздо более сложную концептуализацию и анализ американской властной структуры и противоречивого развития американского общества.

Бакраком и Барацом²⁸, а также Льюксом;²⁹ первые указали на важный институциональный «мобилизационный аспект» и «отказ от принятия решений»³⁰, а последний — на латентные конфликты и последствия бездействия³¹. Но они не поднимают главной проблемы, проблемы «власти над». На деле субъективистская ориентация этих авторов, по-видимому, не позволяет уйти от элитизма. Их утонченные методы позволяют обнаружить менее заметные проявления элитарного правления, но они вряд ли могут найти социальные закономерности осуществления власти, отличные от тех, что связаны со сплоченным властным субъектом. У Бакрака и Бараца об этом свидетельствует их взгляд на власть и связанные с ним понятия как на межличностные отношения между А и Б³². У Льюкса это вытекает из моралистической озабоченности автора ответственностью. Поэтому Льюкс не проявляет интереса к безличным формам господства и стремится рассматривать случаи, когда можно допустить, что исполнитель власти мог поступить иначе, чем он поступил на самом деле. В этом контексте он даже вводит различие между властью и судьбой!³³ По Льюксу, в изучении власти важен прежде всего поиск субъектов власти, опознаваемых, свободных и ответственных творцов действия (или бездействия). Он, по-видимому, не выходит за рамки элитизма / плюрализма или одной элиты или множества элит и руководящих групп (взаимоотношения которых как отношение власти над другими остаются неясными, если они сами не осознают этого отношения).

Маркс показал выход из этого тупика элитизма / плюрализма, который, кажется, остается почти полностью не замеченным социологами и политическими учеными, включая авторов, которые ссылались

²⁸ Bachrach and Baratz. *Op. cit.* 1962, 1963, 1970.

²⁹ S. Lukes. *Power: A Radical View*. London: Macmillan, 1974.

³⁰ Нерешение означает «решение, которое приводит к подавлению или предотвращению скрытого или явного вызова ценностям или интересам того, кто принимает решение». Bachrach-Baratz. *Op. cit.* 1970. P. 44.

³¹ Lukes. *Op. cit.* Chs. 4, 7. Льюкс опирается на работу: Crenson. *Op. cit.*

³² Bachrach and Baratz. *Op. cit.* 1970. Ch. 2.

³³ Lukes. *Op. cit.* P. 55–56. Ср.: «Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно». (Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 23. С. 10). Маркс, конечно, не считал, что власть капиталиста была судьбой, с которой следовало смириться; напротив, она была чем-то, с чем нужно было бороться и что нужно было отменить. Это означает, что бессмысленно обвинять капиталистов в том, что они не ведут себя как не-капиталисты. Марксистский подход предполагает, что орудие критики должно быть заменено критикой орудий (то есть классовой борьбой во всех ее проявлениях).

на Маркса в более или менее критическом ключе. Радикальная новизна и отличие марксистского подхода от других тонет в субъективистских рецепциях и переинтерпретациях. Выход, показанный Марксом, состоит в том, что исследование данного общества должно быть не только исследованием его субъектов или его структуры, но и исследованием процесса его *воспроизводства*. Примечательно, что в изучении процесса воспроизводства Маркс анализирует классовые отношения эксплуатации и господства.

«Следовательно, капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой»³⁴. Критикуя субъективистские концепции рыночного обмена в экономической науке XVIII–XIX веков, Маркс, сам о том не догадываясь, предложил критику социологов века XX: «Правда, дело выглядит совершенно иначе, когда мы рассматриваем капиталистическое производство в непрерывном потоке его возобновления и вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего берем их совокупность, класс капиталистов и класс рабочих. Но тем самым мы применили бы критерий, совершенно чуждый товарному производству»³⁵.

Для изучения власти в обществе подход с точки зрения воспроизводства означает, что главный вопрос всех разновидностей субъективистского подхода — кто правит, единая элита или конкурирующие за лидерство группы? тождественна ли экономическая элита политической или она контролирует ее? — заменяется вопросом: какое общество, какие фундаментальные отношения воспроизводятся? При помощи каких механизмов? Какова роль структуры и действий (или бездействия) государства (или местных органов власти) в этом процессе воспроизводства — способствуют ли они ему, просто делают его возможным или мешают ему? Анализ воспроизводства делает возможным ответ на вопрос о том, как взаимосвязаны между собой в обществе различные проявления власти, даже если не существует никакой осознанной межличностной связи. Они взаимосвязаны своим воспроизводством. Данные производственные отношения могут воспроизводиться без того, чтобы определяемый ими эксплуататорский (господствующий) класс «контролировал» правительство в привычном смысле слова, даже если вмешательство государства углубляет и /или делает возможным воспроизводство этих производственных отношений. И все же факт воспроизводства особой формы эксплуатации и господства служит свидетельством классового правления и важным аспектом власти в обществе.

³⁴ Там же. С. 591.

³⁵ Там же. С. 600.

III

Ограниченная задача этой статьи состоит в том, чтобы разграничить различные подходы к проблеме класса и власти, особенно между диалектико-материалистическим (марксистским) подходом и вариантами субъективистского подхода. Такое разграничение представляется важным, поскольку оно открывает возможности для применения марксистского подхода, учитывая фатальные изъяны преобладающего субъективистского подхода. Это разграничение особенно важно, учитывая нынешнее состояние социальных наук, где, несмотря на интерес к Марксу и его признание, оценка истинности и плодотворности марксистской теории оказывается невозможной из-за амальгам, ставших модными в социологии после 1968 года. В таких эклектичных построениях, которые создаются по рецепту, вроде — взять одну часть Маркса, две части Вебера и две части более свежей социологии (включая ингредиенты, поставляемые самим поваром) и приправить по вкусу более (радикальными) или менее (либеральными) острыми специями, — собственно марксистский анализ приглушается.

Учитывая поставленную задачу, настоящая статья не является непосредственным вкладом в исследования класса и власти. Но в этих рамках я попытаюсь выделить несколько путеводных нитей для марксистского эмпирического изучения проблемы класса и власти. То, что будут предложены лишь общие и предварительные путеводные нити, как мне кажется, отражает не только ограниченность настоящей статьи и ее автора, но и тот факт, что Маркс открыл радикально новый научный путь, который нужно пропалывать от бурной растительности господствующих идеологий и на котором предприняты лишь первые шаги в направлении систематической теории. Главным объектом эмпирического исследования для понимания отношений класса, государства и власти не должны быть межличностные отношения между различными элитами (например, правительством и бизнес-элитами), их социальное происхождение, проблемы и решения или «нерешения», какими бы важными они ни были. Главным объектом должно быть влияние государства на (вос) производство данного (выявленного или предполагаемого) способа (или способов) производства. Отношения господства, связанные с производственными отношениями, сосредоточены в государстве. Правление правящего класса осуществляется посредством государства. Здесь есть два аспекта: *что* делается (и не делается) посредством государства и *как* делается то, что делается посредством государства. Нам нужна *типология государственных вмешательств* и *типология государственных структур*.

Типология государственных структур требует разграничения между различным влиянием (законодательных, исполнительных и судебных механизмов и процедур, механизмов правительственных назначений, организации армии и полиции и т. д.) на степень, в которой государство

может использоваться различными классами, то есть их влияние на то, в какой степени правление данного класса людей (с определенными чертами и качествами, определяемыми их положением в обществе) может действовать через рассматриваемую государственную структуру³⁶. Таким образом можно выделить и разграничить общие типы государственных структур с точки зрения их классового характера, к примеру, феодальные государства, буржуазные государства и пролетарские государства, центральной чертой в которых является принцип «командной политики», воплощенный в советах, рабочих партиях, массовых движениях культурной революции. Различные особые государственные аппараты, вроде законодательных органов, судебной власти или армии, также могут быть изучены с этой точки зрения. Конечно, не следует считать, что конкретное государство в определенный момент времени обязательно является классово гомогенным во всех своих институтах, что как раз и создает проблемы при определении его классового характера.

Для изучения того, как на самом деле работает государство, нам также нужно иметь типологию государственных вмешательств (включая невмешательства, важные для (вос) производства существующих производственных отношений). Такая типология может оттачиваться почти до бесконечности. Но прежде всего она должна включать два измерения. Одно касается того, что делается, а другое — того, как это делается. Иными словами, одно касается внешних последствий государственного вмешательства для других структур общества, прежде всего производственных отношений (но также и идеологической системы), а другое касается внутренних последствий для самого государства. Государственное вмешательство может способствовать, просто делать возможным или препятствовать — и в пределе разрушать — данные производственные отношения.

И они могут усиливать, поддерживать или мешать — и в пределе обрушивать — данные отношения политического господства, воплощенные в аппаратах управления и подавления. (Возможность успешной ломки данных производственных отношений во многом определяется особой стадией производственных отношений и производительных сил и стадией отношений между классами, которые это предполагают). Следующая таблица иллюстрирует типы государственного вмешательства, возможного по этим двум измерениям:

³⁶ Это может служить решением дилеммы, сформулированной Клаусом Оффе в его весьма проницательной статье: Claus Offe. *Klassenherrschaft und politisches System. Zur Selektivität politischer Institutionen*, in his *Strukturprobleme des kapitalistischen Staates*. Frankfurt: Suhrkamp, 1972. Это «объективистский» подход к проблеме избирательности государства, но он не основывается на определениях объективных интересов революционного класса, отвергаемых Оффе (Р.86). Это не означает, что эмпирическое изучение классового характера государства возможно только *post festum*, как утверждает Оффе (Р.90), когда классовая борьба развивается настолько, что проявляются пределы данного государства.

Влияние на данные отношения политического господства (структура управления и подавления)	Влияние на данные производственные отношения		
	способствует	делает возможными	мешает/ разрушает
усиливает	1	2	3
поддерживает	4	5	6
мешает/ломает	7	8	9

Эта типология может быть применена к данной политической мере, вроде программы социального обеспечения, национализации, земельной реформы, школьной реформы и т.д., и к сумме действий, принятых данным правительством за данный период. Именно так должен определяться классовый характер, в марксистском понимании этого слова, режима или политики. Например, закон о национализации или земельная реформа могут сделать возможными и даже способствовать развитию капиталистических производственных отношений, если он проводится по правилам капиталистической игры, предлагая компенсацию по более или менее рыночной стоимости, используя установленные законодательные и административные процедуры и создавая предприятия, которыми управляют новые владельцы, использующие наемный труд для получения прибыли. Но такие меры также могут проводиться в совершенно иной манере, не обязательно означая полную отмену капитализма. Региональная политика может осуществляться при помощи различных видов субсидий, вроде возврата налогов, капиталистическим предприятиям, следуя логике капиталистических производственных отношений, но делая определенное размещение заводов более выгодным. Но та же мера может противоречить этой логике в случае принудительного планирования. Классовый характер определяется на основе идентичности доминирующего (эксплуататорского) класса (то есть доминирующего класса при определенных производственных отношениях, которым способствуют или которые становятся возможными благодаря вмешательству). Если между влиянием на производственные отношения и структуры государства существует несоответствие, то это указывает на противоречивую и нестабильную ситуацию. Например, на последнем этапе существования царской России государство способствовало развитию капиталистических производственных отношений, но при этом сохраняло во многом докапиталистическую форму государства; советская Россия в 1920-х годах позволила развиваться капиталистическим производственным отношениям, сохраняя диктатуру пролетариата; а режим Альенде в Чили отчасти делал возможными, а отчасти препятствовал капиталистическим производственным отношениям, поддерживая существующую государственную структуру (ее администрацию, судебную власть и армию).

Надо отметить, что обычно существует множество способов, которые позволяют способствовать развитию данных производственных отношений в данной ситуации. Поэтому обычно существуют разные мнения, какой из них является лучшим. И данное государственное вмешательство вполне может противоречить мнениям предпринимателей, но при этом способствовать развитию капиталистических производственных отношений. Буржуазия как класс и ее интересы не совпадают с идентичностью или идеями определенной группы деловых лидеров во всякий данный момент времени. Таким образом, мы можем понять закономерность, которая часто проявляется в капиталистической политике, когда предложенная политика сначала отвергается деловыми группами и консервативными партиями, но после проведения рано или поздно принимается ими (например, переговоры между предпринимателями и профсоюзами об условиях труда, программы социального обеспечения, кейнсианская экономика). Подход «проблем и решений», предлагаемый плюралистическими методологами, не замечает этого явления.

Правящий класс данного общества — это эксплуатирующий класс данной эксплуататорской системы производственных отношений, развитию которой способствуют (в первую очередь, если в обществе существуют другие производственные отношения) содержание и форма всей тотальности государственных вмешательств в течение данного периода. Правящий класс не обязательно должен быть экономически доминирующим классом, в смысле эксплуататорского класса доминирующего способа производства в обществе, где существует несколько способов производства (например, натуральное сельское хозяйство, феодализм, мелкое товарное производство, капитализм).

Одно возможное уточнение типологии состоит в проведении различия между их влиянием на два различных класса (эксплуатирующий и эксплуатируемый), имеющих эксплуататорские производственные отношения, развитию которых данные вмешательства способствуют, делают его возможным или мешают ему. Например, в приведенной выше таблице реформистские правительства обычно занимают ячейки 4 и 5, хотя определенные меры, принимаемые ими, занимают ячейки 1 и 2 (например, меры, принимаемые для борьбы с забастовками), но более утонченная типология учла бы их возможное влияние на *отношения распределения при данных производственных отношениях*. Еще одно уточнение, касающееся влияния на государство, провело бы разграничение между классовым влиянием на *административные и репрессивные аппараты государства*. Фашистские режимы, рассмотренные с точки зрения их влияния на капиталистические производственные отношения, занимают ячейку 1, но в рамках этого типа они лучше характеризуются усилением репрессивного аппарата буржуазного государства³⁷.

³⁷ Для фашизма также характерно усиление производственных отношений монополистического капитализма, что указывает на еще одно отличие, касающееся фрак-

Третье уточнение касается разграничения влияния государства на разные фракции капитала, например, промышленного и банковского (или коммерческого и аграрного), отечественного и иностранного, крупного и малого капитала. Таким образом можно выделить различные гегемонистские фракции буржуазии.

С марксистской точки зрения правящий класс, когда он правит, не принимает, как компактная единица, всех важных решений в обществе. Правление правящего класса осуществляется при помощи ряда объективно взаимосвязанных, но не обязательно межличностных механизмов воспроизводства, посредством которых воспроизводится данный способ эксплуатации. Правящий класс в этом смысле не является единым властным субъектом. Правление правящего класса не обязательно проявляется (и обычно не проявляется) в сознательных коллективных решениях и действиях класса в целом. То, что делает правящий класс, когда он правит, не является вопросом субъективных намерений и действий. Его правление воплощается в объективном социальном процессе, посредством которого определенный способ производства поддерживается и расширяется, гарантируется и укрепляется государством. Это означает, что дебаты плюралистов и элитистов не затрагивают вопрос о существовании правящего класса в радикально ином, марксистском смысле. Эти дебаты касаются определенных аспектов способа организации правящего класса, вопроса его сплоченности.

Надо отметить, что ни существование правящего класса, ни то, какой класс является правящим, ни объем его власти не определяются здесь априорно. То, какие классы существуют, должно быть открыто путем анализа производственных отношений в данном обществе. Также должен быть установлен правящий класс, а объем его политической власти, пределы его правления, должны быть определены путем исследования структуры и вмешательств государства. Диалектико-материалистический подход к власти в обществе — это эмпирический подход, хотя и совершенно особого рода. После определения правящего класса необходимо выявить механизмы его правления, что предполагает поиск ответа на вопрос, почему производится государственное вмешательство.

Государственная власть правящего класса — это часть общего процесса воспроизводства общества. Как отметил Пулантас³⁸, существует два аспекта воспроизводства (и то же можно сказать о революции): воспроизводство позиций в данной социальной структуре и воспроизводство людей, которые могут их занять. Например, необходимо воспроизводство капитала, наемных работников и капиталистического предприятия, а также государственного аппарата. Воспроизводство позиций так-

ций классов, позиции которых усиливаются или ослабляются в результате государственного вмешательства. Ср.: N. Poulantzas. *Fascism and Dictatorship*. London: NLB, 1974.

³⁸ N. Poulantzas. On Social Classes, *New Left Review*. 78. 1973. P. 49.

же связано, по крайней мере в долгосрочной перспективе, с производством и воспроизводством между различными уровнями социальной структуры. Воспроизводство капитализма требует не только воспроизводства капиталистического предприятия, но и воспроизводства соответствующего капиталистического государства.

Однако новые поколения индивидов — и данные индивиды год за годом — должны обучаться для занятия данных позиций и иметь подходящую квалификацию для выполнения задач, которые ставятся социальной структурой. Из части новорожденных предстоит воспитать собственников и менеджеров капитала; остальные же должны стать рабочими, клерками и административными и репрессивными кадрами или мелкобуржуазными фермерами, лавочниками и ремесленниками.

Какие можно выделить общие типы механизмов воспроизводства, среди которых мы можем искать и находить конкретные механизмы в конкретных обществах? Определяющее значение, конечно, имеют экономические ограничения. Экономические ограничения работают — так, как это описывается экономическим анализом, — через производительные силы, внутреннее развитие производственных отношений и взаимозависимость того и другого. Они действуют на разных уровнях и оказывают серьезное влияние на воспроизводство позиции и агентов, их занимающих. Данный уровень развития производительных сил исключает определенные производственные отношения, делает их ненадежными или устаревшими и неконкурентоспособными; а необходимость некоторого материального воспроизводства способствует развитию иных производственных отношений и определяет круг политических возможностей, например, для большевистского правительства после Гражданской войны. На более низком уровне экономические ограничения определяют условия сохранения капиталистической корпорации или феодального поместья, ограничивая, например, степень, в которой одна корпорация или поместье могут вмешиваться в капиталистические или феодальные производственные отношения, управляющие другими корпорациями или поместьями. Экономические ограничения действуют постоянно, воспроизводя определенную структуру экономических позиций при помощи санкций банкротств, безработицы, бедности, а иногда и голода. Экономические ограничения — это важный механизм для сдерживания даже революционно-сознательных крестьян и рабочих и использования их для воспроизводства общества, которое они хотели бы свергнуть.

Еще один важный тип механизма воспроизводства является политическим и включает два основных подтипа, управление и подавление, которые в современном обществе постоянно концентрируются в государственном аппарате (или, точнее, системе государственных аппаратов). Административное вмешательство — налогообложение, правила, субсидии, контрциклическая политика и т. д. — способствует или препятствует воспроизводству определенного способа производства. Админи-

страция также участвует в воспроизводстве агентов для позиций в данном способе производства при помощи кадровой (от подчинения крестьян землевладельцам до стимулирования мобильности на рынке труда) и социальной политики (от создания ужасных рабочих домов до предоставления пособий, которые смягчают опасное недовольство и стимулируют бизнес). Административные вмешательства гарантируют полную совместимость несущих конструкций общества. Механизм администрации также включает механизмы для воспроизводства государственного аппарата, воплощенные в конституционных условиях, процедурах решения проблем или юридических понятиях. Они могут мешать правительству, которое собирается провести серьезные социальные изменения или ограничивать доступность для государства определенных классов или частей классов.

Еще одним важным политическим механизмом воспроизводства является подавление. Развитие или поддержание определенных способов производства может подавляться армией, полицией, тюрьмами или палачами. Оппозиционные движения могут подавляться различными способами и в различной степени. (Один любопытный и оставляемый без внимания объект исследования связан со степенью влияния репрессий на развитие рабочего движения в Соединенных Штатах, особенно после Первой и Второй мировых войн). Об индивидах, которые отказываются занимать любую из данных позиций, могут позаботиться, скажем, в тюрьмах или в психиатрических больницах.

Механизмы воспроизводства являются не только и не столько идеологическими, как склонны считать социологи³⁹. Но важность идеологических механизмов нельзя отрицать. Их основная задача состоит не в легитимации господствующей системы⁴⁰, а скорее в дифференцированном

³⁹ Парсонс рассматривает проблему воспроизводства или «поддержания образца» исключительно с точки зрения передачи ценностей. См.: Парсонс Т. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 21–25. Точно так же все «социальные источники стабильности», выделяемые Паркином (Parkin. *Op. cit.* 1971. Ch. 2), касаются идеологических механизмов: мобильности, системы образования, религии, игры и укрепления веры в удачу. Примечательным исключением служит интеллектуальное объяснение политических и экономических ограничений, налагавшихся на британский рабочий класс вплоть до 1918 года, и их роль в формировании более позднего «воздержания» рабочего класса от активных действий: Н. Ф. Moorhouse. *The Political Incorporation of the British Working Class: An Interpretation. Sociology*. 7. 1973. P. 341–359. См. также: R. Gray. *The Political Incorporation of the Working Class. Sociology*. 9. 1975. P. 101–104; Н. Ф. Moorhouse. *On the Political Incorporation of the Working Class: Reply to Gray. Ibid.* P. 105–110.

⁴⁰ Отождествление идеологических механизмов воспроизводства с процессами легитимации означало бы, что люди не восстают против данного правления, при котором они живут, потому что считают его легитимным. Это допущение кажется не слишком обоснованным. Люди могут не восставать, если не брать в расчет политические и экономические ограничения, потому что они не знают, под каким господством они находятся. То есть они могут не знать не только его негативных черт, но и его позитивных заявлений и достижений. Они могут не знать об аль-

создании устремлений и уверенности в собственных силах и дифференцированном обеспечении навыков и знаний. Этот процесс квалификации и подчинения, в ходе которого небольшие человеческие животные превращаются в членов различных классов, протекает во многих идеологических аппаратах: семье, системе образования, церкви, средствах массовой информации, производственном обучении и на рабочем месте (где насаждается иерархия и дисциплина)⁴¹. Эти аппараты и формирование доминирующей идеологии, происходящее в них, не обязательно согласуются друг с другом. Особенно проблематичными оказываются отношения между семьей и другими аппаратами, вроде церкви и (прежде всего при современном капитализме) системы образования. С одной стороны, семья — это важный механизм воспроизводства; с другой — некоторая индивидуальная мобильность жизненно важна для воспроизводства системы. Поскольку индивидуальная мобильность означает, что командные позиции занимаются более компетентными людьми и служат очевидным каналом недовольства. Как отмечал Маркс, говоря о капиталистическом предприятии и средневековой католической церкви: «Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство»⁴². Марксистский подход отмечает, что жестко дифференцированный доступ к системе образования делает эксплуатацию *менее* прочной. С марксистской точки зрения для воспроизводства эксплуатации наиболее важен не дифференцированный доступ к системе образо-

тернативах или считать, что сами они не в силах ничего сделать, даже если им известно о других возможных типах обществ. Но это неведение, незаинтересованность и отсутствие веры в себя не существуют сами по себе, как черты определенных индивидов и групп, а создаются определенными социальными процессами. См. важное разграничение между прагматическим и нормативным принятием: Michael Mann. *The Social Cohesion of Liberal Democracy*. *American Sociological Review*. 35. 1970. P. 423–439. Ограниченная сосредоточенность на легитимации часто бывает связана с нормативным представлением, что всякое правление должно основываться на подлинном и осознанном согласии управляемых, которое делает его легитимным. См., напр.: J. Habermas. *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt: Suhrkamp, 1973. P. 166 и далее. Но это уже другой вопрос. Любопытно, что и Хабермас, и Оффе берут за основу веберовский идеальный тип конкурентного капитализма, который они противопоставляют современному капитализму с существенным участием государства, которое повышает потребность в идеологической легитимации (Habermas. *Op. cit.* Ch. II.; Offe. *Tauschverhältnis und politische Steuerung. Zur Aktualität des Legitimationsproblems*, in Offe, *op. cit.* P. 27–63). Это представление обычно скрывает важную роль идеологии в эпоху конкурентного капитализма — эпоху деклараций прав человека, возвышения национализма и все еще сильных религий — и экономические и политические механизмы кризиса и революции в настоящее время.

⁴¹ См. очень важную статью: Louis Althusser. *Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation)*, in *Lenin and Philosophy and Other Essays*. London: NLB, 1971. P. 121–273. Но, по не вполне понятным причинам, Альтюссер говорит об идеологических аппаратах государства.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 25. Ч. II. С. 150.

вания, а дифференцированная система образования. Так что социальная мобильность, по сути, является идеологическим механизмом воспроизводства. Отсюда и еще один феномен, столь милый сердцу всех субъективистов, — межличностное общение, которое способствует формированию общего мировоззрения среди представителей различных групп.

Посредством этих механизмов воспроизводства правящий класс может осуществлять свое правление и удерживать государственную власть, не обязательно поставляя политические и административные кадры. Законы экономического развития данного общества задают довольно высокий порог для их возможного нарушения политиками. Структурное устройство государства (его классовый характер) ограничивает намеченное правительством государственное вмешательство. Идеологические механизмы воспроизводства влияют как на политиков — даже на политиков, которые представляют рабочих и не поддерживают связей с буржуазией, — так и на население в целом, включая эксплуатируемые классы.

Все эти механизмы действуют через конфликт и классовую борьбу. Классовая борьба не означает противоборства между сплоченными и обладающими самосознанием субъектами. Она означает конфликт и борьбу между людьми, которые занимают различные позиции в эксплуататорских способах производства.

Поэтому воспроизводство и революцию не следует рассматривать с точки зрения противопоставления механизмов воспроизводства и классовой борьбы. Механизмы воспроизводства одновременно производят механизмы революции. Понимание этого, разумеется, является главной чертой диалектического подхода. Например, Маркс показал, что расширенное воспроизводство капитала означало развитие противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Этот анализ также может быть распространен на политические и идеологические процессы воспроизводства. Например, усилению государства — и усилению административных и репрессивных действий государства, — характерному для современного империалистического государства, сопутствовали острейшие противоречия между капиталистическими государствами. Две мировые войны в XX веке привели к появлению некапиталистических режимов у трети человечества. Точно так же на идеологическом фронте роль интеллигенции — и в старой России и Китае, и в последнее время в передовых капиталистических обществах — свидетельствует о том, что механизм квалификации и подчинения может принимать характер революционного механизма, порождая противоречие между квалификацией и подчинением. Существуют также механизмы революции, которые действуют посредством классовой борьбы, а классовая борьба ведется в механизмах воспроизводства и революции и посредством них. Но это уже другая история и, возможно, тема другой статьи.

Перевод с английского Артема Смирнова